

И.С. Клочков

ОБ ОДНОЙ ЛЮБОПЫТНОЙ ПОДДЕЛКЕ

(Маргиналии маргианского маргинала. I)

До настоящего времени на территории бывшей русской, затем советской Средней Азии не было найдено ни одной клинописной надписи – ни монументальной¹, ни строительной, ни простой таблички, ни даже каких-либо привозных предметов утвари или оружия и печатей² с клинописными значками. Такое положение дел представляется весьма странным, если учесть, что в сопредельном Афганистане (не говоря уж об Иране), который в археологическом отношении изучен не лучше, чем, скажем, Туркмения, подобные вещи встречаются, хоть и нечасто³. Изредка они попадаются и в районах еще более удаленных от центров клинописной культуры, чем Средняя Азия: на Южном Урале⁴, в Нижнем Поволжье⁵, у Керченского пролива⁶. По-видимому, есть все основания полагать, что какое-то количество ближневосточных вещей с клинописными надписями неизбежно должно было «осесть» в Северной Парфии, Маргиане, Северной Бактрии, Согде и Хорезме, которые некогда входили в державу Ахеменидов, да и позднее, в эллинистическое и парфяанское время, были тесно связаны с Ираном и Месопотамией. Отсутствие соответствующих находок, вероятно, следует объяснять случайностью – затянувшимся невезением, которое в конце концов будет когда-нибудь прервано.

В этой связи понятен интерес, который вызвало у автора настоящей заметки беглое упоминание о «клинописном амулете» из Хорезма, содержавшееся в рукописи одной из присланных в редакцию «Вестника древней истории» статей. Речь в ней шла о деятельности членов Туркестанского кружка любителей археологии, немало сделавших для историко-археологического изучения русской Средней Азии в конце

¹ О наскальной клинописной надписи на правом берегу Амударьи, чуть ниже места слияния Вахша и Пянджа, сообщал в начале века Д.Н. Логофет: «Около самого поста (Тахта-Куват. – И.К.) виднеются остатки старой крепости... Вокруг по горным склонам разбросаны могилы, а на одной из скал с совершенно ровной поверхностью виднеется несколько строк, написанных гвоздеобразными письменами, полузакрытых мхом и уже начавших выкрошиваться» (*Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х книгах. Книга III. Бухарско-Афганская граница. СПб., 1909. С. 55*). К сожалению, все старания позднейших исследователей отыскать надпись оказались безрезультатными.

² В литературе упоминается каменная печать с Афрасиаба, на которой вырезана фигура лучника и «вертикальная строка клинописной надписи или подражания ей» (см. *Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 290*). Однако пять маленьких зубцов, изображенных на этой печати, трудно назвать даже «подражанием клинописи» (изображение см. *Тереножкин А.И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда // ВДИ. 1947. № 4. С. 127–128. Рис. 1*).

³ Сразу отметим, однако, что все известные образцы клинописи из Афганистана были куплены у частных лиц, а не найдены при раскопках: о фрагменте позднеавиловской таблички из окрестностей Кабула см. *Bottéro J. Deux curiosités assyriologiques // Syria. 1956. 33. P. 25–30*; о старовавилонской печати из-под Герата см. *Collon D. First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. L., 1987. P. 138–139. Fig. 580*; об ассирийской надписи на агатовом «глазе» см. *Клочков И.С. Надпись Асархаддона из Афганистана // ВДИ. 1990. № 4. С. 62–65. Рис. 1*.

⁴ О найденном в Орске египетском алебастровом сосуде с иероглифической египетской надписью и клинописной трингливой см. *Савельева Т.Н., Смирнов К.Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. № 3. С. 106–112*.

⁵ О печати с клинописной надписью см. *Клочков И.С. Две цилиндрические печати из сарматского погребения у с. Косика // ВДИ. 1994. № 3. С. 214–217; Klochkov I.S. Two Cylinder Seals from a Sarmatian Grave Near Kosika // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. V. 3. № 1. April 1996. P. 43–46*.

⁶ См. *Шилейко В.К. Печать царя Артаксеркса // Жизнь музея. Бюллетень Государственного музея изящных искусств. № 1. М., 1925. С. 17–19*. Эта печать также происходит не из раскопок.

«Клинописный амулет из Хорезма»

прошлого и начале нынешнего века. Я обратился к «Протоколам» Туркестанского кружка и при просмотре их обнаружил в двенадцатом выпуске этого издания отчет члена кружка А.Д. Калмыкова о его поездке в Хивинское ханство весной 1907 г. Рассказывая о посещении древней крепости Измухшир, стоявшей «на самом старом и самом западном русле Аму-Дарьи, называемой в этом месте Даудан или Куня Дарья», А.Д. Калмыков упомянул, что приобрел у местных жителей несколько старинных мусульманских вещей и две домусульманские: «печать из белой яшмы с изображением человека, ударяющего копьём кабана, стоящего на задних лапах, и амулет с клинописью»⁷. По поводу последнего А.Д. Калмыков писал: «Клинописный амулет, найденный в Измухшире, еще не прочитан. Разбор его надписи представит трудность. Алфавит мне не известен. Он напоминает упрощенный тип персидской клинописи, которая в свою очередь представляет переработку ассирийской. Подчиненность хорезмийцев персам во времена Ахеменидов дает основания полагать, что письмо хорезмийцев могло быть клинообразным»⁸.

Этим сведения об амулете, приведенные Калмыковым, и ограничиваются. Тема, однако, получила продолжение в следующем, тринадцатом, выпуске «Протоколов». На заседании 17 декабря 1908 года члены кружка узнали «ответ русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии о том, что доставленная ему кружком медная пластинка с изображениями и клинообразной надписью признана, по мнению М.В. Никольского и П.К. Коковцова, поддельной. Заседание постановило приложить к своему 13-ому выпуску снимок с обеих сторон названной пластинки»⁹. Фотография, которую мы воспроизводим (см. рис.), была вклеена между страницами 48—49; какого-либо описания вещи, указаний на ее размеры, технику изготовления и т.п. не приводилось.

К сожалению, ничего не известно о доводах, приведенных М.В. Никольским и П.К. Коковцовым в поддержку их заключения, с которым нельзя не согласиться. Однако эта поддельная хорезмийская пластинка настолько любопытна и забавна, что заслуживает специального рассмотрения.

⁷ Калмыков А. Хива // Протоколы заседаний и сообщения членов туркестанского кружка любителей археологии. Год двенадцатый (1 января 1907 г. – 1 января 1908 г.). Ташкент, 1908. С. 65.

⁸ Там же. С. 66.

⁹ Протокол № 3, 17 дек. 1908 г. // Протоколы заседаний и сообщения членов туркестанского кружка любителей археологии. Год тринадцатый (1 января 1908 г. – 1 января 1909 г.). Ташкент, 1909. С. 46.

Шестистрочная аккадоязычная надпись на «амулете» гласит:

1. <i>a-na</i> ^d <i>nabû</i> (NĀ) <i>bēli</i> (UMUN)- <i>šú</i>	Богу Набу, владыке своему,
2. ^d <i>nabû</i> (NĀ)- <i>kudurrī</i> (NĪ.DU)- <i>uṣur</i> (URU ₃)	Навуходоносор,
3. <i>šar</i> (LUGAL) <i>bābili</i> (KĀ.DINGIR.RA) ^{ki}	царь Вавилона,
4. <i>mār</i> (DUMU) ^d <i>nabû</i> (NĀ)- <i>apla</i> (A)- <i>uṣur</i> (URU ₃)	сын Набопаласара,
5. <i>šar</i> (LUGAL) <i>bābili</i> (TIN.TIR) ^{ki}	царя Вавилона,
6. <i>ana balāṭi</i> (TIN)- <i>šú iqīš</i> (BA) ^{iš}	ради жизни своей подарил (это).

Текст выполнен характерными для эпиграфики нововавилонского периода архаизированными значками. Несколько необычное написание знаков LUGAL и KĀ в третьей строке, NĀ – в четвертой можно было бы объяснить своеобразием почерка писца или мелкой погрешностью, допущенной мастером при копировании надписи на металле. Относительно содержания текста замечу, что мне известны пять посвячительных надписей Навуходоносора II (605–562 гг. до н.э.), построенных по точно такой же или по близкой формуле¹⁰; о двух из них речь пойдет ниже. В целом следует признать, что эта сторона «амулета» особых подозрений не вызывает.

Иное дело – вторая сторона медной пластинки, с двумя рельефными фигурными изображениями. Здесь также имеются клинописные значки: детерминатив божества DINGIR и какой-то полустертый, плохо различимый на фотографии знак – два сходящихся горизонтальных клина перечеркнуты двумя расходящимися вертикальными – NI? DU? TIN? При большом желании можно усмотреть в этом значке искаженный вариант написания знака AG/NĀ и читать: ^d*nabû*(NĀ) – «Бог Набу». Однако важнее здесь не этот знак, как бы его ни читать, а изображения: именно они в первую очередь не дают возможности признать «амулет» подлинником. Мастер, изготовивший пластинку, не стал подыскивать и копировать какой-либо подходящий для его замысла древний оригинал, а по-видимому постарался по собственному разумению скомпоновать сцену встречи царя с божеством, характерную для месопотамской пластики. В результате получилось нечто несуразно приблизительное, что-то «общедревнеближневосточное», невозможное ни в искусстве Месопотамии, ни в иранском или среднеазиатском искусстве.

Левая фигура длинноволосого бородатого мужчины в длинном одеянии, полностью скрывающем ноги, стоит на некоем возвышении. Строго профильное изображение обращено вправо; судя по сопровождающим фигуру клинописным значкам, это божество. Бог обеими руками (правая снизу) подает противостоящему персонажу – или, скорее, только что принял от него – небольшой плоский предмет, подозрительно напоминающий саму эту вотивную пластинку. У фигуры божества отмечается несколько «странностей»: длинный, от плеча до запястья, рукав, какого не могло быть у одеяний этого типа; не на месте проходит косая оторочка одежды; прямо падающие волосы, рассыпавшиеся по плечу; необычная постановка рук; не изображены ступни ног; непонятный головной убор, смахивающий на низкий, извозчий цилиндр. Создается впечатление, что модельщик, делавший рельеф, взял за основу не очень четкий рисунок¹¹, изображавший ассирийского царя или вельможу; да еще слегка «подправил» его, ставя фигуру в нужную ему по замыслу позу.

Не менее любопытен и даритель или получатель дара. Фигура мужчины с длинными волосами и короткой бородкой(?) обращена влево, к первому персонажу, и дана в удивительном развороте, не встречающемся в древневосточной пластике.

¹⁰ Langdon S.H. Die neubabylonischen Königsinschriften (VAB 4). Lpz, 1912. S. 202, Nebukadnezar № 38a–d; Price I.M. An Inscribed Eye of a Babylonian Idol // JAOS. 1923. 43. P. 51–53.

¹¹ Рисунками, сделанными с фотографий или же с гравюр в книгах пионеров ближневосточной археологии, иллюстрировались многие издания по истории древнего Востока в конце прошлого и начале нынешнего века. Часто при такой перерисовке скрадывались (пропадали или искажались) мелкие детали. См., например, рисунки Феше-Гюдена и Будье в широко известном томе Г. Масперо: *Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'orient classique. III. Les empires. P., 1899.*

Мужчина облачен в «кафтан» до колен; моделировка ног очень размытая, неясная, но, по-видимому, на ногах были штаны и сапожки, т.е. костюм персонажа как бы иранский или среднеазиатский. Головной убор тоже как бы намекает на что-то сузкоперсепольское или ассирийское, но больше похож на шапочку «добра молодца» с иллюстраций начала века к русским сказкам. Фигура чуть наклонена вперед, руки персонаж держит перед собой высоко на уровне груди. Руки перед грудью держат просители на некоторых ассирийских рельефах, а также изображенные в круглой скульптуре месопотамские правители III–II тыс. до н.э., но ладони у них сложены или повернуты иначе. У нашего персонажа обе ладони обращены вниз, левая кисть руки лежит на правой, точно человек опирается на невидимый посох. Я почти не сомневаюсь в том, что прототип, с которого моделировалась эта фигура, опирался на палку, посох или даже ружье; такая опора, кстати, объясняет и оправдывает легкий наклон фигуры вперед. Возможно, на левом боку у этого гипотетического прототипа висела сума или ягдташ, от ремня которого на одежде нашего персонажа осталась только странная косая полоса. Фигура предстоящего заметно выше фигуры божества, что было совершенно недопустимо по месопотамским канонам. Очевидно, модельщик, создавая сцену, совместил в ней фигуры, взятые из разных «источников»; не исключено, что вторая была перенесена с небольшими подчистками с какого-то предмета, изготовленного в новое время. Трудно отделаться от мысли, что художник хотел изобразить акт поднесения вотива божеству и соответственно знал содержание надписи на пластинке. Перед нами в таком случае изображения Набу и Навуходносора.

Как уже говорилось, описания пластинки нет, ничего не известно и о нынешнем ее местонахождении. Судя по фотографии, «амулет» скорее всего был литым, изготовленным в закрытой форме или по способу утраченной модели. Подобных вотивных предметов в Месопотамии, насколько я знаю, не делали, зато там были широко распространены поделки, с которых скопирована лицевая сторона «амулета», содержащая надпись.

В 1923 г. И. Прайс издает почти идентичную нашей шестистрочную надпись на агатовом «глазе» «размером и толщиной примерно с двадцатидолларовую золотую монету»¹². По автографии видно, что «глаз» этот имел, как и наша пластинка, овальную форму и был также расчерчен пятью горизонтальными линиями. Считается, что такие поделки служили глазами-вставками для месопотамских идолов, но, возможно, их вставляли и в какую-то драгоценную оправу или жертвовали как самостоятельные, отдельные приношения. «Глаз», изданный И. Прайсом, был собственностью не названного частного лица, дамы, жившей в Нью-Йорке. О «предыстории» этого «глаза» ничего не сообщается, но он явно не мог быть оригиналом, с которого скопирована надпись на пластинке. В надписях имеются небольшие разночтения: в первой строке надписи на «глазе», по-видимому (на этом месте небольшой скол), опущены два последних значка («господину своему»); знак LUGAL («царь») стоит в четвертой строке после имени Набопаласара, а не начинается пятую, как на нашей пластинке; знаки *ana TIN* («ради жизни») завершают пятую строку, а не начинают шестую, как у нас.

Есть, однако, и «глаз», надпись на котором знак в знак совпадает с надписью на «амулете». Почти за тридцать лет до находки медной пластинки Э. Шрадер опубликовал фотографию эстампажа, снятого с покрытой клинописью «ониксовой геммы», а также транслитерацию и перевод надписи¹³. В конце 70-х годов минувшего столетия «гемма» принадлежала жившему во Флоренции генерал-майору Герберту (С. Herbert), в прошлом английскому консулу в Багдаде. По-видимому, эта «гемма» и

¹² Price. An Inscribed Eye... P. 51.

¹³ Schrader E. Über einen altbabylonischen Königscylinder des Königl. Museums und einige andere Cylinder und Gemmen // Monatsbericht der königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. März 1879. S. 289, № 4, 294 f.

есть тот самый «зрачок глаза статуи бога Набу с посвятителной надписью», слепком с которого располагал Джордж Смит¹⁴: весной 1873 г. он останавливался в Багдаде у «нашего представителя полковника Герберта»¹⁵.

При всей близости между надписями на «амулете» и на «гемме» Герберта последняя все же не могла послужить исходным материалом для подделки. Здесь тоже отмечаются мелкие расхождения, на этот раз – в самом начертании знаков: на «гемме» в первой строке в знаке NA первый клин расположен горизонтально, у нас – почти вертикально с наклоном влево; есть расхождения и в начертании знаков ŠEŠ/URU₃ (вторая строка), LUGAL и KA (третья строка), NA (четвертая). Кроме того, «гемма» Герберта, судя по эстампажу, правда, очень небрежному, была почти круглая – 21 × 21,5 мм (это на фотографии, специального указания на размеры нет).

Едва ли мелкая фотография, изданная Э. Шрадером, могла кого-либо вдохновить на создание копии или подделки. Скорее всего существовал некий не известный нам оригинал, по форме напоминавший «глаз», изданный И. Прайсом, с надписью, почти идентичной надписи на «гемме» Герберта. С него-то и мог быть снят слепок для нашей пластинки; в конце прошлого века подобные слепки нередко делались с научными и учебными целями¹⁶. Публикация же Э. Шрадера давала человеку, изготовлявшему копию, ключ к пониманию содержания надписи.

Сама по себе скопированная на металле надпись, даже заключенная в обводку-картуш, выглядела не очень соблазнительно, и мастер, вероятно, решил украсить оборотную сторону пластинки рельефными изображениями, иллюстрирующими текст. Надпись и изображения хорошо дополняли друг друга: рельеф делал вещь более привлекательной для покупателя, а надпись придавала интерес и «достоверность» рельефу. Изготовлен «амулет» был, по-видимому, где-то в Европе или в России (Варшава, Вильно, Одесса и т.п.).

Остается вопрос – как такая вещь могла попасть в забытый Богом угол Хивинского ханства? Вряд ли можно заподозрить А.Д. Калмыкова в сознательной мистификации. Но тогда что же? Ответ, быть может, подсказывает журналист-этнограф Вильгельм Наполеонович Гартевельд, путешествовавший в начале века по русской Средней Азии: «Редкие древности в Бухаре, конечно, найдутся, но цены на них (на настоящие) чудовищные. Зато имитаций и фальсификаций теперь появилось здесь множество, и за полтора рубля вы найдете сколько угодно «подлинных» мечей Олоферна или Камбиза»¹⁷. По-видимому, так было не только в Бухарском ханстве, но и в Хивинском. Местные жители, прослышав о том, что путешественник (Калмыков) покупает старые вещи, принесли ему «в день отъезда»¹⁸ и этот «амулет», имевшийся у кого-то, а, может быть, и специально привезенный издалека...¹⁹

Такова первая и пока единственная клинописная надпись из русского Туркестана. Что ж, будем ждать лучшей, настоящей.

¹⁴ Дж. Смит опубликовал лишь английский перевод надписи, в котором расположение слов по строкам точно соответствует расположению знаков на «гемме» Герберта, изданной Э. Шрадером (*Smith G. Assyrian Discoveries; an Account of Explorations and Discoveries on the Site of Nineveh, during 1873 and 1874. N.Y., 1875. P. 385*).

¹⁵ *Ibid.* P. 54.

¹⁶ См., например: *Ménant J. Un camée du Musée de Florence // Revue archéologique. 1885. III. P. 79–86.*

¹⁷ *Гартевельд В.Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913). М., 1914. С. 106.* Гартевельд не сообщает подробностей, но надо думать, что не все эти «антики» производились на месте. Если с приходом в Азию русских (офицеров, чиновников, учителей и др.) возник спрос на «древности», товар могли доставить откуда угодно.

¹⁸ *Калмыков. Хива... С. 65.*

¹⁹ Интересно, что представляла собой «печать из белой яшмы с изображением человека, ударяющего копьем кабана, стоящего на задних лапах», которую Калмыков приобрел в тот же день? Была ли это подлинная сасанидская, а то и более ранняя, вещь или тоже подделка?

THE STORY OF A FAKE

I.S. Klotchkoff

The article is devoted to the analysis of a remarkable «amulet» purchased from inhabitants of Khivan Khanate by A. Kalmykov (member of Turkestan Archaeological Society) during his journey through the country in 1907.

This «amulet» is an oval copper plate; the obverse side of it bears a cuneiform inscription and the reverse has images of a man and a deity. Inauthenticity of the «amulet» was proved long ago, but even as an imitation it is extremely interesting.

The 6-lines inscription in Akkadian is made in the archaized characters typical for the epigraphic monuments of the Neo-Babylonian period and contains a dedication of King Nebuchadnezzar II to the god Nabu. This is evidently a copy of some Mesopotamian original (probably, a stone idol inset).

The picture on the reverse betrays falsification with certitude: the artisan not just copied a scene of meeting between a king and a god (a wide-spread subject in Mesopotamian glyptics), he actually compiled it to his own taste, combining elements of a number of sources differing in style.

On the author's opinion, the «amulet» could have been manufactured in Europe or in Russia.

© 1998 г.

К.А. Абдуллаев

НОМАДЫ В ИСКУССТВЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ БАКТРИИ

Последние века до нашей эры и первые века нашей эры в истории Средней Азии – один из наиболее насыщенных драматическими событиями периодов. Если говорить об этом времени предельно кратко, необходимо отметить, во-первых, крушение одного из самых блистательных по своей культуре и искусству государств – Греко-Бактрии; во-вторых, нашествие на Среднюю Азию нескольких волн кочевников, что отчасти само явилось следствием крушения государственной системы, созданной греками, и привело к формированию новой, не менее могущественной, но иной по своему характеру империи, – Кушанского царства.

О греко-бактрийской культуре можно судить по руинам некогда величественных городов, по великолепным памятникам искусства, известиям античных авторов. Напротив, история кочевников, сокрушивших некогда мощное государство, остается почти неизученной. Кто были эти грозные кочевники? Редкие и скудные, а иногда и противоречивые сведения о них можно почерпнуть у Страбона, Птолемея, Юстина и других античных авторов. Все попытки воссоздания хотя бы общей исторической картины этой эпохи обращают исследователей к памятникам археологии. Что касается кочевников, то сам образ жизни кочевого населения не предполагает, казалось бы, развития такой сферы материальной культуры, как архитектура, хотя отдельные элементы зодчества, например конструкция погребальных сооружений, демонстрируют прекрасные знания кочевников в области строительства (курганы Алтая, Центральной и Средней Азии). С другой стороны, создание мобильных по своему характеру жилых конструкций также требовало навыков пространственных решений. Отсутствие достоверных данных по внутреннему оформлению жилищ кочевников в какой-то степени восполняется данными этнографии, а также изучением интерьеров некоторых погребений, вероятно, воссоздающих модель реального жилища кочевников.

Для изучения этнокультурного комплекса кочевников исключительное значение имеют памятники изобразительного искусства. Заключение в них информация достаточно разнообразна и охватывает различные стороны жизни общества; здесь